

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/57/8

Ф. В. Кувшинов

*Липецкий институт кооперации (филиал)
Белгородского университета кооперации, экономики и права
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург*

«Квартирный вопрос» в русской литературе 1920–1930-х годов и категория исторического времени

Одной из важнейших проблем советской повседневной жизни 1920–30-х гг. был квартирный вопрос, ставший предметом пристального внимания со стороны русской литературы. В статье предлагается анализ мотива «квартирный вопрос» через категорию времени, которая отражает настроения эпохи, касающиеся восприятия быта, и варьируется в зависимости от убеждений писателей и их отношения к победившему политическому режиму. Будущее не всегда однозначно и может восприниматься как критически, так и с надеждой на радикальное улучшение. Прошлое идеализируется или принимается в качестве примера мещанства и пошлости, а значит, становится аргументом в пользу тех преобразований, которые, в конечном счете, потрясли обывателя. Настоящее же, которое характеризуется как неустроенное, равно понимается как переходный период.

Ключевые слова: повседневность, квартирный вопрос, мотив, быт, жилье, время.

Мотив «квартирный вопрос» репродуцирует один из элементов историко-социального фона, в который был погружен советский человек 20–30-х гг. XX в. В отличие от темы, например, проблемы человеческого общежития, которая затрагивает многочисленные нюансы, мотив квартирного вопроса в контексте литературы рассматриваемого периода характеризует внешнюю, бытовую неустроенность персонажей и, в зависимости от авторской позиции, остается или фоном, на котором разворачиваются события, или становится сюжетообразующим элементом, или выступает как характеризующая персонаж деталь.

При анализе мотива «квартирный вопрос» исследователь неизменно приходит к осознанию оппозиционного характера его структуры [Кувшинов, 2015],

Кувшинов Феликс Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарно-социальных дисциплин Липецкого института кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (ул. Зегеля, 25а, Липецк, 398002, Россия); докторант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (наб. р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия; f.kuv@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 4
© Ф. В. Кувшинов, 2016

базирующегося на основополагающей оппозиции быт/Бытие. В свое время, исследуя мифологему «дом», Т. В. Цивьян описала совокупность оппозиций, составляющих структуру анализируемого объекта, и выделила пространственные (внутренний/внешний, открытый/закрытый, вход/выход, верх/низ, спереди/сзади/посередине) и временные оппозиции (утро/вечер, день/ночь), восходящие к родовой оппозиции свет/тьма [Цивьян, 1978]). Однако в художественной литературе, в отличие от фольклора, мифологические оппозиции, во-первых, не так часто встречаются в чистом виде, а во-вторых, сам мотив «квартирный вопрос», который нет причины рассматривать как гомогенный, обогащается за счет дополнительных оппозиций. При этом бросающиеся в глаза в первую очередь оппозиции свое/чужое, быт/безбытность, дом/не-дом и т. д. имеют слишком много ответвлений, нюансов. Так, квартира может выступать в качестве репрезентанта Бытия (например, квартира Турбиных из романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1925)), а может в качестве примера пошлого быта (квартира в пьесе Н. Р. Эрдмана «Мандат», 1925), общежитие может стать местом духовной деятельности (комната Драгоманова в романе В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», 1928), а может быть зарисовкой низкого быта (повесть В. Я. Зазубрина «Общежитие», 1923) и т. д. Это обусловлено тем, что сама повседневность в СССР, при всей надуманности и условности постановки и решения жилищных вопросов, носила поливариативный характер.

Стоит отметить, что структура мотива «квартирный вопрос» в русской литературе релевантна тем изменениям в жизни СССР, которые происходили в 20–30-е гг. XX в.: если в послереволюционные годы популярными были идеи целостной организации коллективного проживания и сосуществования в рамках тотальной реорганизации городов (коммуны, фабрики-кухни, пролетарские дома), что нашло свое выражение, например, в шедевре А. П. Платонова «Котлован» (1930), то на рубеже 20–30-х гг. (в связи с отказом от политики НЭПа и переходе к плановой экономике в 1928/29 г.) правительственный курс касательно организации повседневной жизни меняет свою тональность в рамках мифа о победившей социальной политике в СССР [Бойм, 2002], что отражается и в литературном процессе.

В первом случае все личное, нажитое, кровное подвергалось уничтожению. Разрушение дома, как символа самостоятельности, индивидуальности, чуждых идеологическому дискурсу СССР, протекало во времени и может быть представлено как последовательность дом → квартира → коммунальная квартира → общежитие/приют/коммуна. Это вполне соответствовало «пророчествам» Ф. Энгельса, который в работе «О жилищном вопросе» предлагал четкий план действий для победившего в революции пролетариата: «...уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной “нужде в жилищах” (выделено автором. – Ф. К.) при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо... лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 221]. Официальная литература послушно отразила эти идеи. Так, в романе Ф. В. Гладкова «Цемент» (1924), который создавался в начале 20-х гг., несколько раз подчеркивается, что старый дом-гнездо неизменно и необходимо подвержен уничтожению: персонажи супруги Чумаловы живут порознь, их дочь Нюрочка отдана в детдом (где и умирает), остальные живут в общежитии, лишенном всякого уюта и защиты (Бадьян насилует Полину Мохову), «бывших» выселяют из их уютных домов. Но все это, по мнению писателя, необходимая, нужная и естественная жертва, принесенная будущей победе нового быта над старым.

Во втором случае, напротив, показывается налаживание быта. Так, в романе К. К. Вагинова «Козлиная песнь», написанном в 1928 г., финал вполне оптими-

стичен: супруги Тептелкины не просто живут в тихом доме, но и обзавелись маленьким аккуратным «кабинетом-садином», где проходят и минуты отдыха, и скромные обеды. Быт супругов настолько тих и налажен, что пугает Тептелкина: «...казалось ему, что нет разницы между ним и скулящим обывателем, тогда он делался сам себе противен и тогда тошнило его, и он беспричинно злился на Марью Петровну и даже иногда бил тарелки» [Вагинов, 1991, с. 151]. Более того – одна и та же репродукция квартирного вопроса в пределах одного художественного произведения может иметь разное оценочное значение и играть разную роль.

Например, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940) даны несколько квартир, каждая из которых характеризуется как благополучное жилье (т. е. в рамках оппозиции обустроенность/необустроенность они характеризуются как ухоженные, благополучные). Однако и в контексте этой оппозиции каждая квартира по-разному воспринимается автором и по-разному характеризует персонажей. Ухоженная и комфортабельная квартира одинокого Латунского в несколько комнат (Булгаков упоминает кабинет и спальню помимо кухни и ванной комнаты) символизирует ненавистное писателем жизненное благополучие, обусловленное верноподданнической службой литературного критика (не случайно его квартира размещается на восьмом этаже, что означает высокое положение ее владельца). Именно это жилье подвергается разгрому со стороны Маргариты. Напротив, квартира Мастера «прячется» у Булгакова в подвал. Таким образом, совпадая в оппозициях личное/общее, жилое/нежилое, обустроенность/необустроенность, дом/бездомность, квартиры Латунского и Мастера различаются в рамках оппозиции уют / отсутствие уюта.

Такая подвижность мотива «квартирный вопрос», обеспеченная вариативным прочтением составляющих его структуру оппозиций, объясняется его полифункциональностью: рассматриваемый мотив может выступать в качестве важнейшей характеристики персонажа (например, безразличие к собственному жилью Ольги Зотовой из повести А. Н. Толстого «Гадюка», 1928), может служить фоном (описание жилья псаломщика Романа из повести К. А. Федина «Анна Тимофевна», 1922), может развиваться до сюжетобразующей линии (пьеса М. А. Булгакова «Зойкина квартира», 1926).

В контексте исследования репрезентации квартирного вопроса в русской литературе 20–30-х гг. XX в. через одноименный мотив обнаруживается, что, при всей сложности, обусловленной наличием в структуре этого мотива множества оппозиций, единство ему придает категория времени (в рамках историко-линейной концепции – прошлое, настоящее, будущее), которая отражает динамику развития и функционирования мотива «квартирный вопрос» в плане выражения повседневной жизни в СССР. Действительно, в литературе начала-середины 20-х гг., осмысляющей изменения в жизнеустройстве, связанные с революцией, Гражданской войной и становлением нового быта, квартирный вопрос получает новое прочтение в рамках тройчатки «тогда-сейчас-потом»: квартирный вопрос «прочитывается» через прошлое, настоящее и будущее как со стороны верных адептов революции, так и со стороны уклоняющихся от четкой самоидентификации в этом вопросе и тех, кто «завоевания» революции не принял.

В зависимости от поставленной писателем задачи и его отношения к произошедшим историческим изменениям в жизни страны прошлое («тогда») имеет 1) отрицательные, 2) нейтральные или 3) положительные коннотации; настоящее («сейчас») неизменно в бытовом плане воспринимается как 4) переходное явление (1920-е гг.); будущее («потом»), как и в случае с прошлым, рисуется неоднозначным во многих отношениях: 5) с надеждой на положительное разрешение квартирного вопроса или 6) с критическим ожиданием разрешения этой проблемы. Рассмотрим эти позиции на примерах.

1. При описании событий, предшествующих революции, благоустроенный быт (собственный дом, собственная квартира) свидетельствует о мещанстве, обывательщине, низких моральных качествах литературных героев. Так, в романе Б. С. Житкова «Виктор Вавич» (1934), описывающего события 1903–1905 гг., личное жилье тюремного зрителя Сорокина (дом во дворе тюрьмы, где «распирает арестантская тоска тюремные стенки, жмет на кирпич, как вода на плотину» [Житков, 1999, с. 17]) и его образ жизни становятся важной характеристикой персонажа. Вообще в романе квартира является символом скрываемых пороков (так, «в узкой, грязненькой комнате» в «душной квартире» «у вдовы-чиновницы, у пыльной старухи» Башкин предается сладострастию, рассматривая порнографические фотокарточки [Там же, с. 56]).

2. Квартирный вопрос не обостряется (выступает как неактивный сюжетный фон) в романе Л. И. Добычина «Город Эн» (1935), для мира которого вообще характерно отсутствие «социальной критики и “старого”, и “нового” строя» [Строганов, 2015, с. 125]. В данном случае прошлое (а следовательно – и квартирный вопрос того времени) никак не привязывается к настоящему, не является частью оппозиционного сравнения «тогда и сейчас».

3. Напротив, обращенный в прошлое И. С. Шмелев в романе «Богомолье» (1931) обрисовывает идеализированный быт – от дома отца рассказчика до каморки Горкина (наполненной образами) – с любовью и почитательностью. Дом у Шмелева охраняется оберегами – иконами, одна из которых спасает персонажу жизнь: «Ну, ломали мы дом на Пресне... ну, нашел я на чердаке старую иконку, ту вон... Ну, сошел я с чердака, стою на втором ярусу... – дай, думаю, пооботру-погляжу, какая Царица Небесная, лика-то не видать. Только покрестился, локотком потереть хотел... – ка-ак загремит все... ни-чего уж не помню, взвило меня в пыль!.. Очнулся в самом низу, в бревнах, в досках, все покорежено... а над самой над головой у меня – здоровенная балка застряла! В плюшку бы меня прямо!.. – вот какая. А ребята наши, значит, кличут меня, слышу: “Панкратыч, жив ли?” А на руке у меня – Царица Небесная! Как держал, так и... чисто на крылах опустило. И не оцарапало нигде, ни царапинки, ни синячка... вот ты чего подумай!» [Шмелев, 1998, с. 394].

4. За редким исключением настоящее («сейчас») осознавалось писателями как переходный период, которому в силу его временности иногда «прощалась» нерешенность квартирного вопроса, но которое воспринималось неизменно с опаской как реставрация мещанства, «дубового быта», по выражению М. В. Цветаевой.

В рассказе С. Д. Кржижановского «Квадратури» (1926) мизерная комната (без малого шесть квадратных метров) может восприниматься и символически (на уровне духовной тематики), и в контексте проблемы «изоморфного» «анти-пространства»/«минус-пространства» [Топоров, 1995], и как реализация мотива «квартирный вопрос», который вносит свои коррективы во взаимоотношения Сутулина с внешним миром (любовная линия рассказа) и выступает репрезентантом советской повседневной жизни (у комнаты Сутулина был реальный прототип – комната С. Д. Кржижановского в шесть квадратных метров [Бовшек, 1990, с. 486]).

Характеризуя изменившуюся комнату Сутулина, писатель прибегает к избиению, но характерному сравнению: «давящий сверху гробовидный жильевой короб» [Кржижановский, 2001, с. 455]¹. Метафора «жилище-гроб», заданная еще Ф. М. Достоевским² и имеющая одной из своих основ карнавальную культуру

¹ Гробовая тематика продолжается и дальше, когда к Сутулову приходят *обмерить* комнату.

² «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, – сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание, – я уверена, что ты наполовину от квартиры

[Иваньшина, 2010], стала обыденностью в повседневной жизни. Так, И. В. Одоевцева вспоминает частушечные куплеты, распространенные в Москве летом 1921 г.: «Эх, привольно мы живем – / Как в гробах покойники: / Мы с женой в комоды спим, / Теща в рукомойнике» [Одоевцева, 1988, с. 246]. Очевидны похоронные мотивы в финале повести А. П. Платонова «Котлован».

Именно поэтому у М. А. Булгакова дом-рай, место, где сбываются надежды, вынесен из настоящего на периферию: а) в несуществующее будущее пространство-время (дом, куда «уходят» Мастер и Маргарита); б) в тайное место, спрятанное от стороннего взгляда (подвал в «Мастере и Маргарите»); в) в глухую провинцию (место жительства Бомбгарда в «Записках юного врача», 1925)³.

У В. В. Маяковского, остро переживавшего победу быта над его мечтой, квартира ассоциируется с мешанством и пошлостью, с крушением романтических надежд на переустройство мира. Например, в поэме «Про это» (1923), лирический герой с ужасом отмечает торжество обывательщины: «Маркс... и то тащил обывательства ляжку» [Маяковский, 1957, т. 4, с. 161]. Поэтому Маяковский, как и полагается футуристу, райское жилье, так же как и Булгаков, «выносит» из настоящего, правда, в отличие от своего литературного оппонента, в будущее: «Бытовой идеал поэта... навряд ли осуществим в коммунальной Москве. Его достижение отодвигается в “год какой-то”» [Тарасова, 2010, с. 205]. Однако и в отношении будущего непримиримый борец с бытом не всегда однозначен.

5. Оптимизм, с которым воспринималось будущее в контексте «проклятого» вопроса, в большей степени характерен идеологически выверенной литературе. В детской повести И. Н. Жукова «Путешествие звена “Красной звезды” в страну чудес» (1924) уже проглядываются основные принципы изображения будущего, в котором угадывается скудное настоящее: «Фантазии русских писателей, в отличие от западных, мечтавших о кладах и миллионах долларов, ограничивались теплом и хлебом – такими простыми и, увы, не всегда доступными нам вещами» [Андреевский, 2008, с. 39]. Мотив «квартирный вопрос» в этой повести вторичен, реализован на уровне агитки: в будущем дети живут веселой и деятельной коммуной, а взрослые в маленьких частных домиках, «в несколько комнат» [Жуков, 1924, с. 87]. В структуре города будущего, описываемого Жуковым, угадывается полемика между урбанистами и дезурбанистами [Меерович, 2007].

Схожие мотивы высказывает и В. В. Маяковский в поэме «Летающий пролетарий» (1925), где так же, как и Жуков, рисуя новый город ХХХ в., объединяет домостроение и авиацию в одно целое (у Жукова дома свободно переносятся с места на места с помощью «радиолетов»). Сама же идея домов остается сугубо в рамках проектов начала 1920-х гг.: москвичи живут в «сорокоэтажных домах-коммунах» [Маяковский, 1957, т. 6, с. 315].

Все это было предельно актуальным: в 1926 г. выходит единственный выпуск «Известий Ассоциации новых архитекторов», где в программной статье Эль Лисицкий утверждает: «Мы говорим “сооружения”, а не “дома”, считая, что новый город должен преодолеть понятие индивидуального дома» [Лисицкий, 1926, с. 2].

стал такой меланхолик» [Достоевский, 1957, с. 240]; «Понимаю, понимаю... конечно... Что это вы мою комнату разглядываете? Вот маменька говорит тоже, что на гроб похожа» [Там же, с. 247].

³ Позже похожим образом поступит со своими персонажами и Б. Л. Пастернак, отправивший семью Живаго в Варыкино, «на далекий Урал». Диалог между Живаго и Стрельниковым как нельзя лучше подчеркивает задумку автора:

«– Из Москвы и вдруг в такой медвежий угол.

– Именно с этой целью. В поисках тишины. В глушь, в неизвестность» [Пастернак, 2004, с. 251]. Именно в этой глуши Юрий Живаго обретает покой, счастье, умиротворение.

6. Однако будущее не всегда радужно – в нем с пугающей точностью проступает настоящее. Идеи тотального контроля над проживающими, которые описал М. Г. Меерович [Меерович, 2008], были уловлены русской литературой середины 20-х гг.: в романе Е. И. Замятина «Мы» (1920) жители будущего проживают в комнатах с прозрачными стенами, что облегчает контроль над проживающими, а сама идея индивидуального жилья подвергается критике: «...среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли бы что могло быть. Возможно, что именно странные, непрозрачные обиталища древних породили эту их жалкую клеточную психологию. “Мой (sic!) дом – моя крепость” – ведь нужно же было додуматься!» [Замятин, 2003, с. 223].

Индивидуальное жилье свидетельствует о личной индивидуальности персонажей, что было чуждым в контексте советской идеологии. Не случайно при описании будущего Е. И. Замятин использует мотив стерильности: «мы любим только такое вот, стерильное, безукоризненное небо» [Замятин, 2003, с. 213].

Анализ квартирного вопроса как мотива сквозь призму категории исторического времени позволяет упорядочить многочисленные инварианты репрезентации жилищной проблемы, ставшей актуальной в СССР на многие годы, и сделать некоторые выводы. Как правило, квартирный вопрос, вынесенный в прошлое, рассматривается в контексте концептов «уют», «достаток», «мир». Эти концепты, в зависимости от идейных установок писателя, получают положительную или отрицательную оценку (свое/чужое). Нерешенность квартирного вопроса в настоящем воспринимается как временная трудность в вопросе налаживания жизни в СССР вообще, с одной стороны, и как пример разгула «хама» Д. С. Мережковского – с другой. В рамках прогнозируемого исторического будущего квартирный вопрос остается нерешенным: в своих пророчествах русские писатели 1920–1930-х гг. сходятся в том, что жильем, возможно, будут обеспечены все, но характеристика этого жилья сильно различается в зависимости от авторской позиции.

Список литературы

Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М.: Мол. гвардия, 2008. 447 с.

Бовшек А. Г. Глазами друга (Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского) // Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена: Повести. Новеллы. Л.: Худож. лит., 1990. С. 465–528.

Бойм С. Ю. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2002. 320 с.

Вагинов К. К. Козлиная песнь // Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. М.: Современник, 1991.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 10 т. М.: Гослитиздат, 1956–1958. Т. 5: Преступление и наказание. 1957. 598 с.

Житков Б. С. Виктор Вавич: Роман. М.: Независимая газета, 1999. 624 с.

Жуков И. Н. Путешествие звена «Красной звезды» в страну чудес. Харьков: Гос. обр. типо-лит. им. т. Петровского Г. И., 1924. 105 с.

Замятин Е. И. Мы // Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Русь. М.: Русская книга, 2003.

Иваньшина Е. А. Традиции святочного карнавала в поэтике М. А. Булгакова («Зойкина квартира», «Собачье сердце») // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Т. 1., № 1. 2010. С. 34–43.

- Кржижановский С. Д.* Квадратурин // Кржижановский С. Д. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Клуб убийц букв. СПб.: Симпозиум, 2001. С. 449–460.
- Кувшинов Ф. В.* К анализу мотива «квартирный вопрос» в русской литературе 1920–1930-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-1. С. 105–107.
- Лисицкий Э.* Серия небоскребов для Москвы (1923–1925): Проект Эль Лисицкого // Изв. Ассоциации новых архитекторов. 1926. № 1.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 18. 808 с.
- Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1955–1961. Т. 4. 1957. 452 с.; Т. 6. 1957. 544 с.
- Меерович М. Г.* Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: Идеология и повседневность. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2007. С. 84–117.
- Меерович М. Г.* Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми, 1917–1937. М.: РОССПЭН: Фонд Б. Н. Ельцина, 2008. 303 с.
- Одоевцева И. В.* На берегах Невы: Лит. мемуары. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.
- Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 4: Доктор Живаго. М.: Слово/Slovo, 2004. 760 с.
- Строганов М. В.* Невстречи с Лиз: Об изображении массового человека в рассказах Добычина // Культура и текст. 2015. № 1(19). С. 107–127.
- Тарасова И. А.* Концепт «быт» в поэзии 1920-х годов // НЭП в истории культуры: От центра к периферии: Сб. ст. участников междунар. науч. конф. / Под ред. И. Ю. Иванюшиной, И. А. Тарасовой. Саратов: Наука, 2010. С. 194–205.
- Топоров В. Н.* «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избр. М.: Прогресс: Культура, 1995. С. 476–574.
- Цивьян Т. В.* Дом в фольклорной модели мира // Труды по знаковым системам. Вып. 10. Тарту, 1978. С. 65–85.
- Шмелев И. С.* Богомолье // Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4: Богомолье: Романы. Рассказы. М.: Русская книга, 1998. 560 с.

F. V. Kuvshinov

Lipetsk Institute of Cooperation (branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Lipetsk, Russian Federation
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
f.kuv@yandex.ru

**«Housing shortage» in Russian Literature of the 1920-1930-ies
and the category of time**

One of the major problems of Soviet everyday life of the 1920–30-ies was a «housing problem» that became the focus of the Russian literature. The paper analyses the «housing shortage» motive through the category of time, which reflects the mood of the epoch related to the perception of life and varies depending on the beliefs of writers and their relationship to the victorious political regime. The future is not always clear and may be perceived critically or with the hope of the radical improvement. The past is idealized or taken as an example of narrow-mindedness and vulgarity and thus becomes an argument in favor of the changes that ultimately shocked the

Everyman. The present, however, which is characterized as a disorder, is understood as a transition period.

Keywords: everyday life, «housing shortage», motive, housing, time.

DOI 10.17223/18137083/57/8

References

Andreevskiy G. V. *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy v stalinskuyu epokhu. 1930–1940-e gody* [Everyday-life in Moscow during Stalin epoch. 1930–1940s]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008, 447 p.

Bovshek A. G. Glazami druga (Materialy k biografii Sigizmunda Dominikovicha Krzhizhanovskogo) [The eyes of friend (for materials biography Sigismund Dominikovich Krzhizhanovskiy)]. In: Krzhizhanovskiy S. *Vozvrashchenie Myunkhgauzena. Povesti. Novelly* [Comback of Munchausen. Stories. Novels]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1990, pp. 465–528.

Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Harvard University Press, 1994, 356 p. (Russ. ed.: Boym S. Yu. *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoy zhizni*. Moscow, NLO, 2002, 320 p.).

Dostoevskiy F. M. *Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 5. Prestuplenie i nakazanie* [Collected Works in 10 vols. Vol. 5. Crime and Punishment]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957, 598 p.

Ivan'shina E. A. Traditsii svyatochnogo karnavala v poetike M. A. Bulgakova (“Zoykina kvartira”, “Sobach'e serdtse”) [Traditions of a Christmas carnival in M. A. Bulgakov's poetics (“Zoyka's Apartment”, “Heart of a Dog”)]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2010, vol. 1, no. 1, pp. 34–43.

Krzhizhanovskiy S. D. *Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 2. Klub ubiyts* [Selected Works in 5 vols. Vol 2. Club of slayers]. Saint-Petersburg, Simpozium, 2001, 701 p.

Kuvshinov F. V. K analizu motiva “kvartirnyy vopros” v russkoy literature 1920–1930-kh gg. [On the analysis of the motive “The housing problem” in the Russian Literature of the 1920–1930s]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 8-1, pp. 105–107.

Lisitskiy E. Seriya neboskrebov dlya Moskvy (1923–1925) Proekt El' Lisitskogo [A series of skyscrapers for Moscow (1923–1925) El Lissitsky's Project]. *Izvestiya Assotsiatsii novykh arkhitektorov*. 1926, no. 1, pp. 2–3.

Marx K., Engels F. *Sochineniya: V 50 t. T. 18* [Works in 50 vols. Vol. 18]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, 808 p.

Mayakovskiy V. V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. T. 4* [The Complete Works in 13 vols. Vol. 4]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957, 452 p.

Meerovich M. G. *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi, 1917–1937* [Punishment by the dwelling: housing policies in the USSR as a control facility people, 1917–1937]. Moscow, ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2008, 303 p.

Meerovich M. G. Sotsialisticheskiy gorod: formirovanie gorodskikh obshchnostey i sovet'skaya zhilishchnaya politika v 1930-e gody [Socialist city: formation of city communities and the Soviet housing policies in the 1930s]. In: *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'* [The Soviet social policy of the 1920–1930s: ideology and everyday-life]. Moscow, Variant, TsSPGI, 200, pp. 84–117.

Odoevtseva I. V. *Na beregakh Nevy: Literaturnye memuary* [On coast of Neva: Literary memoirs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1988, 334 p.

Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochineniy: V 11 t. T. 4. Doktor Zhivago, 1945–1955* [The Complete Works in 11 vols. Vol. 4. Doktor Zhivago, 1945–1955]. Moscow, Slovo, 2004, 760 p.

Stroganov M. V. *Nevstrechi s Liz: ob izobrazhenii massovogo cheloveka v rasskazakh Dobychina* [Not meetings with Lise: about the image of the mass person in stories Dobychin]. *Culture and text*. 2015, no. 1(19), pp. 107–127.

Tarasova I. A. Kontsept “byt” v poezii 1920-kh godov [Concept “life” in poetry of the 1920s]. *NEP v istorii kul'tury: ot tsentra k periferii: sb. statey uchastnikov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The New Economic Policy in the history of culture: from the center to the periphery: articles of participants of the international scientific conference]. Saratov, Izdatel'skiy tsentr “Nauka”, 2010, pp. 194–205.

Toporov V. N. “Minus”-prostranstvo Sigizmunda Krzhizhanovskogo [“Minus”-space of Sigismund Krzhizhanovsky] In: Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the field of mythopoetic: Favourites]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa “Progress” – “Kul'tura”, 1995, pp. 476–574.

Tsiv'yan T. V. Dom v fol'klornoy modeli mira [The house in folklore model of the world]. *Trudy po znakovym sistemam* [Proc. Sign Systems Studies]. Tartu, vol. 10, 1978, pp. 65–85.

Shmelev I. S. *Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 4. Bogomol'e: Romany. Rasskazy* [Collected Works in 5 vols. Vol. 4. Prayer: Novels. Stories]. Moscow, Russkaya kniga, 1998, 560 p.

Vaginov K. K. *Kozlinaya pesn': Romany* [Satyr Chorus: Novels]. Moscow, Sovremennik, 1991, 592 p.

Zamyatin E. I. *Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 2. Rus'* [Selected Works in 5 vols. Vol. 2. Russ]. Moscow, Russkaya kniga, 2003, 592 p.

Zhitkov B. S. *Viktor Vavich: Roman* [Victor Vavich: Novel]. Moscow, Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta, 1999, 624 p.

Zhukov I. N. *Puteshestvie zvena “Krasnoy zvezdy” v stranu chudes* [Unit travel of “A red star” to a wonderland]. Khar'kov, Gos. obr. tipo-lit. im. t. Petrovskogo G. I., 1924, 105 p.